

Адель Ивановна Алексеева
Тайна царя-отрока Петра II
Серия «От Руси к империи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6028139
Алексеева, А.И. Тайна царя-отрока Петра II : Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-6571-0

Аннотация

Что мы знаем о Петре II? Пётр II Алексеевич – российский император, сменивший на престоле Екатерину I. Внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича и немецкой принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, последний представитель рода Романовых по прямой мужской линии. Вступил на престол в 1727 году, когда ему было всего одиннадцать лет, и умер в 14 лет от оспы. Но управлял ли он страной? Кто реально держал власть в Российском государстве? Историк А.И. Алексеева в своей книге раскрывает тайные пружины дворцовых заговоров и переворотов, знакомит читателя с яркими личностями того времени, развенчивает устоявшиеся мифы и легенды.

Содержание

Вступление	5
Часть первая	6
У гроба императора	6
Размышления о наследии Петра I	9
Ваше величество, Екатерина Алексеевна, пожалуйста на трон!	12
В беседке Летнего сада	14
Хитроумный Меншиков и благодушная императрица	18
Белые майские ночи – не лучшее время	20
Царевич Алексей и принцесса Брауншвейгская	23
Первая речь Петра II в Верховном совете	28
Давид и Голиаф	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Адель Алексеева

Тайна царя-отрока Петра II

© Алексеева А.И., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Вступление

В русской истории были могучие личности, которые не только при жизни, но и после смерти притягивали к себе внимание и, подобно магнитным полям, на долгие годы определяли развитие страны. Это были Пётр I, Пушкин и Лев Толстой. Пушкин породил целую плеяду поэтов и осветил будущее всей нашей литературы. Пётр I, как демиург, создавал новый русский мир, и всё двигалось по его велению и законам.

Но если Пушкин и Толстой остались в вечности, то смерть Петра I стала катастрофой и породила разноречивые мнения. Что будет далее? Продолжит ли Россия избранный им европейский путь или вернётся к стародавним временам? Магнитное поле его ослабло, к тому же царь не оставил завещания. Корабль российский остался без капитана и был терзаем бурями, ветрами и шквалами.

Два года после него правила супруга Петра I Екатерина I, но и она вскоре ушла в иной мир. На троне оказался мальчик, внук Петра I, на плечи которого легла тяжкая ноша. Конечно, его окружили регенты, верховники, Меншиков, а радость, без которой не может быть здорового детства, исходила лишь от молодого князя Ивана Долгорукого. Окружение тянуло отрока в разные стороны: одни – идти вслед за Петровыми подвигами, другие – вернуть старую Русь, не давать воли иностранцам. Пётр Великий умел соединять то и другое, иностранцев подчинял своей воле, а теперь...

Однако – царь ещё жив, и можно приблизиться к его смертному одру.

Часть первая

У гроба императора

...Был конец 1724 года. Пётр I полулежал в креслах, сваленный внезапным недугом. Терпеливый и выносливый, привыкший к болям, он морщился, лицо его передёргивалось, а то вдруг успокаивался, обводя всех тёмными глазами.

Супруга его, рассеянно касаясь белокурых волос двух внуков царя – Петра и Наталии, – не сводила глаз с императора. Иногда он поднимал веки и ясным взором поводил вокруг. Вот они, его сподвижники! И коротко, с перерывами называл их имена, словно желая унести всех с собой...

– Благороднейший из всех – фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, царствие ему небесное!.. Хитрейший из хитрых – минхерц Меншиков... Долгорукие! Древняя фамилия, у них и ума, и злости – в избытке... Князь Черкасский – устроитель моего города Санкт-Петербурга. – Он перевёл взгляд на внука. – Запоминай их, Петруша... Шафиров, Толстой Пётр. А вон тот, каланча в чёрном парике, – учёнейший муж Яков Брюс.

Помолчав, обратился к Брюсу:

– Поспрошай: каково кумекает мой внук, – не ему ли придётся трон наследовать? Были у него два учителя, да только дурни, побил я их батогами и прогнал... Назначил учителем Остермана. Как смотришь на сие, Яков Вилимович?

Брюс кивнул головой, царь вновь перевёл взгляд на мальчика:

– Чё хмуро глядишь на меня? Боишься? Зря! Ну-ка, отойди, встань подале... Да ты дюже велик, отрок... Ну-ка скажи, сколько будет пятью семь?.. А ещё: коли ветер с востока дует, куда корабль надобно вести?

– Не ведаю, государь.

– Эх ты, «не ведаю»...

Пётр I прикрыл глаза и надолго замолк. А Петруша и сестра его Наталия – голубоглазые, белокурые, словно два ангела, на лицах – ни слёзки, ни печали, только недоумение и робость, а ещё, может, страх...

К Рождеству Петру стало легче, священники, простые люди молились за его здоровье. А миновали морозные рождественские дни, подули ветры – улучшений не случилось. Пётр I перебирал бумаги, но как-то вяло...

Слева от смертного одра, чуть поодаль стоял человек с кистями в руках у мольберта – торопился запечатлеть великую минуту: не было ни единого явления, в которое бы не вникал и не вносил своего толкования сей император. Ради поддержания живописцев сделал выставку Андрея Матвеева, а вельможам и сенаторам, князьям и графам повелел покупать те «кортыны». Художник Таннауэр писал картину с особым тщанием, вдохновением, широкой кистью – царь представлялся ему лежащим на плоту, который плывет через реку Стикс, в царство Аида...

Нева в те дни стояла оледеневшая, горбатая, тёмная, словно тоже охваченная трауром. На домах колыхались печальные флаги, а по окраинам всё так же весело выглядели раскрашенные голландские домики с цветными картинками, парусниками, букетами и даже женскими ликами.

В печаль погрузились стоящие вокруг. В то же время всех мучил вопрос: кто наследует трон? Отчего молчит государь, и как его понять?

Но вот опять приоткрылись веки, блеснули живые тёмные глаза – и вновь помутились... Насовсем или нет?.. Впрочем, один глаз открыт, пугающе открыт... Петруша со стра-

хом смотрит в него. Екатерина рыдает в голос. Меншиков в отчаянии теребит парик. А Новгородский архиепископ, театрально воздев руки, восклицает:

– На кого ты нас оставляешь, благодетель?! Восстань со смертного одра!..

Кирилл Разумовский усмехается: «Восстанет ежели, поглядит, что мы творим, – что скажет?»

Шум и гвалт стоят несообразные с часом... В ужасе, в горестном изумлении пребывают сановники, вельможи, генералы.

Тут же и дети, отроки – Голицыны, Шереметевы, Черкасские, недоросли и отроковицы. «Что станется теперь?» – думает Наташа Шереметева, вспоминая, как пять лет назад вот так же величаво умирал её отец, а потом царь первым шёл за гробом, и плач стоял по всей Невской перспективе.

Марья Меншикова неотрывно глядит в лицо царя – как темны его власы и усы, как бледен лоб, лицо страдающее подёргивается. Отец её любимец императора, но что ждёт их теперь?

Заплакали внуки Петра I – Наталия и Пётр.

Раздалась музыка, послышался тихий хор женских голосов, навевающий мысли о вечном. О вечном – и о завтрашнем дне: кто наследует царя-исполина? Окаменев, вслушиваясь в последние его слова. Но услышаны лишь два слова: «Отдайте всё...» И Пётр I испустил дух. Кому отдать всё? На кого надежда?

Один глаз совсем закрылся, а второй – смотрит грозно и мертво. Неужто Всевышний, сам пославший сего великана на землю, отступился и перекрестил его в последний раз?..

И вот уже восьмёрки лошадей в чёрных епанчах, золотая с чёрным колесница, генералы, сановники, князья и графы двинулись по ровной стрельчатой дороге к Петропавловскому собору. Шествием, как и всей церемонией, распоряжается Яков Брюс. Учёный, изобретатель, знаток политеза, обожающий царя, он не отводит взгляда от мёртвого лица, словно заклинает, словно надеется на воскресение.

У него было написано тридцать листов и двадцать пунктов той церемонии, но вид его ужасен: худой как столб, в чёрном парике, камзол болтается. Бальзамировать царя – тоже его дело. Кому ещё сие по плечу? Он делал чучела, лечил кавалерию, занимался алхимией, говорили, что пришил собаке ногу и чуть ли не оживил женщину, подобно египетской царице Изиде, которая собрала по кускам убитого мужа и воскресила.

Лядащий был февраль 1725 года. Месяц царь лежал на морозе, в гробу, обитом золотым глазетом, серебряными позументами, в камзоле, шитом серебром, при шпаге и с Андреевской лентой. Свидетель тех дней Нащокин писал: «1725 год началом своим зело неблагополучие России оказал... Я не могу от неискusstва пера описать, как видим был общий плач... О погребении его великое множество за гробом, и всяк хотел помнить. Везде неутешная печаль стояла. Но распространяться о толикой печали недостаток моего воображения прекращает...»

Похороны состоялись только восьмого марта.

В траур погрузилась ошеломлённая страна. И при дворе не утихали сетования, споры и пересуды: чья теперь очередь? Какая партия возьмёт верх? Сторонники Екатерины, малого Петра или немецкая партия? Многие, воспользовавшись оказией, хотели удалиться «в свои усадьбы и дома». Честолюбцы же, напротив, жаждали укрепиться в новой столице.

Брюс шагал по мощёной дороге, размышляя, как разумно строил свой город император. Планировал вместе с архитектором Трезини и особую роль отводил этой дороге к Петропавловскому собору. На той стороне Невы – увеселения, дворцы, а на этой – тюрьма и Петропавловский собор, место упокоения, доказательство тщеты усилий человеческих. Теперь в этом соборе будет захоронен творец сего града.

Брюсу или, может быть, Остерману пришёл в голову рассказ Лефорта о древнем рыцарском ордене, который исповедовал веру в чашу Грааля, в то, что Христос с Магдалиной ушли к северу, не к югу, и потому надобно там искать чашу Христову и Его кровь. Тайные люди предсказывали: там, среди белых ночей, под бледным солнцем – след чаши Грааля, там не нужен свет, ибо там белая ночь. Не оттого ли Брюс, объехав Европу, изучив десятки языков, навсегда остался именно здесь, в царском граде белых ночей... А ещё тайные люди говорили, что гении, наделённые прозрением и волей, одержимые одной-единственной идеей, доживают лишь до полусотни лет, – так и Пётр I.

Брюс всматривался в помолодевшее лицо Петра. Смерть стёрла следы мучительного вопроса: победит ли он русскую косность, не свернёт ли страна после него на старую дорогу, не возьмут ли верх сторонники первой его супруги Евдокии Лопухиной да изменника-сына? И не выбросят ли дела его на свалку?

Ни о чём таком не догадывались ни Екатерина, ни другой наследник – десятилетний внук Петруша, хотя вокруг – «нестроение», косые пересуды, взгляды...

Завтра соберётся Верховный совет и решит, кому наследовать трон. Члены его: Меншиков, Репнин, Апраксин, Толстой Пётр, Мусин-Пушкин, Василий Долгорукий, Яков Брюс, Дм. Голицын, Юсупов...

Размышления о наследии Петра I

Один великий грек дерзал утверждать, что если ему дадут рычаг, то он перевернёт земной шар, – Архимед был гениальным теоретиком. А на практике, в политике? Россия породила двух человек, которые одной своей волей хотели перевернуть шестую часть суши. Петру это удалось при глухом недовольстве народа. В XX веке идея Ленина обрела силу, масштаб, но – вызвала Гражданскую войну. Увы! – на практике великие замыслы кончаются худо: и тот и другой не дожили до 55 лет – человеческие силы имеют предел.

Спор, начатый у гроба первого императора, шёл много лет, не кончился он и теперь. Одни историки считают Петра I жёстким диктатором, напрасно поколебавшим стародавние законы. Другие видят в нём титана, давшего разбег России и ничуть не изменившего традициям, православию.

Философы говорят: воспитателями Петра были не тихие бояре, а сам Всевышний, который вложил в него одержимость и веру в могущество страны, в то, что Россия станет великой морской державой. Первую свою морскую поездку царь совершил в Архангельск. Потом разузнал о славном городе Амстердаме, богатом оттого, что в порты его пристают парусники и суда с торговыми людьми. А как любил увлекательные рассказы о заморских странах!..

Петра редко видели в Кремле, он, как летучий голландец, носился по европейским городам. «Что за царь у нас? – говаривали в Москве. – Не царь, а дьявол какой-то». Действительно: по южным рубежам Европы отправил он Бориса Петровича Шереметева (был тот старше Петра на 20 лет, знал языки и политес, мог договориться и с поляками, и с римским папой, и с мальтийскими рыцарями) – в предстоящей войне Петру были нужны союзники. По северным рубежам Европы царь отправился сам. Научился там мастерить, познал тайны судостроения, так что вернулся уже вооруженным знаниями мореходного дела.

Ещё раньше, пытаясь взять Азов с суши, потерпел поражение. Однако от поражений царь никогда не терялся, а просто делал выводы. В скором времени, построив корабли, подкрался к Азову с моря – и турки запросили мира.

После Амстердама и Венеции царь загорелся идеей построить город у впадения Невы в море, то бишь на болоте. Со всей страны свезли крепостных, работных людей – несть числа, сколько их трудилось и гибло. Город рос. И Пётр заставил Европу не просто считаться с ним, а уважать Россию. Теперь можно было померить силы и с молодым смельчаком, шведским королём Карлом XII.

Наводя новые, европейские порядки в России, царь повелел стричь бороды (или платить налог), обрезать длинные рукава, потому как они мешают работе...

Одержимый идеей поставить Россию вровень с Европой, он уже грезил увидеть подданных своих грамотными – ведь пока за Уралом только в монастырях умели читать-писать. Воеводам приказал открыть церковно-приходские школы. Якову Брюсу велел учить черчению, математике и навигацкому делу недорослей и способных отроков.

Народ ворчал, ругмя ругал втихую царя, однако солдаты его уже полюбили за характер, энергию, а сподвижники преданно служили (хотя и не без ворчания), и образовалась их целая когорта. Они-то и приводили в действие сложную петровскую машину управления. А человеческие качества его покоряли. Он ел и пил немного – и всё замечал сквозь содержимое бокала.

Умный государь брал себе умных министров. Яков Долгорукий – один из немногих, кто говорил царю в лицо правду, делал упрёки. Когда Долгорукий высказал ему несогласие, Пётр (пишет Ключевский) расцеловал его, сказав: «Благий рабе верный! В мале был еси мне верен, над многими ты поставлю».

Наш крупнейший историк пишет так:

«Несчастье Петра было в том, что он остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознания долго ничем не наполнялась... Недостаток суждений и нравственная неустойчивость при гениальных способностях и обширных технических познаниях резко бросались в глаза...

С детства плохо направленный нравственно и рано испорченный физически, невероятно грубый по воспитанию и образу жизни и бесчеловечный по ужасным обстоятельствам молодости, он при этом был полон энергии, чуток и наблюдателен по природе. Этими природными качествами несколько сдерживались недостатки и пороки, навязанные ему средой и жизнью...

Он умел своё чувство царского долга развить до самоотверженного служения, но не мог уже отрешиться от своих привычек, и если несчастья молодости помогли ему оторваться от кремлёвского политического жеманства, то он не сумел очистить свою кровь от единственного крепкого направителя московской политики, от инстинкта произвола. До конца он не мог понять ни исторической логики, ни физиологии народной жизни. Впрочем, нельзя слишком винить его за это: с трудом понимал это и мудрый политик и советник Петра Лейбниц... Вся преобразовательная его деятельность направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения; он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, следовательно, верил в возможность своротить народную жизнь с её исторического русла и вогнать в новые берега. Потому, радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчётно, безо всякой бережливости.

Пётр был честный и искренний человек, строгий и взыскательный к себе, справедливый и доброжелательный к другим; но по направлению своей деятельности он больше привык обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, а потому и с людьми обращался, как с рабочими орудиями, умел пользоваться ими, быстро угадывал, кто на что годен, но не умел и не любил входить в их положение, беречь их силы, не отличался нравственной отзывчивостью...

Мог Пётр кулаком ударить, а мог и крепко расцеловать за добрый поступок. Никогда ранее таких царей на Руси не было.

Церковь? За снятие колоколов, за неисполнение им всех церковных обрядов царя поругивали, однако уважали за молитвенное отношение к Священной истории, к Евангелию, за верность православию (хотя боялись латинства, протестантов, которые окружили царя в Лефортове, в Немецкой слободе).

...Миновали годы, уже не было на свете Петра, но споры о роли его в русской истории продолжались.

В XIX веке историк Погодин доказывал, что сын Петра, царевич Алексей, тоже был «великого ума и сильной воли». Увы! Царевич был слаб, шёл против отцовских новшеств, стоял за старую Русь, не спорил с теми, кто называл его отца антихристом. Нащокин написал книгу «О повреждении нравов в петровские времена», однако и он вынужден был признать: если бы Пётр не сделал такой рывок, Россия ещё 200 лет догоняла бы Европу.

Историк С.М. Соловьёв напоминал: не только простой народ, и не только раскольники, или вообще люди, не терпевшие преобразовательных идей, недовольны были Петром. Имелые дворяне тоже. Они не хотели отправлять своих детей в европейские школы, институты, это было не по нутру боярам-лежебокам. Пётр – не Архимед, но эту-то махину он сдвинул с мёртвой точки.

...И всё-таки, как бы ни изучали учёные-историки эпоху Петра Великого, что-то от них всегда ускользало, и что-то весьма важное. На наш взгляд, ускользало такое чувство, как страсть. Мысли можно прочесть в письмах и документах императора, но чувства!.. Царь

жил чувствами, мечтой, страстями. Была у него жена, первая, были возлюбленные, но только в «Катеринушке» нашёл он то, без чего ему трудно было бы жить. Она могла унять его припадки (они начались оттого, что в пятилетнем возрасте на его глазах убивали его дядю), нервное подёргивание лица, внезапную слабость в голове. Наверняка и в любовных утехх они были равны. И оба прощали друг другу увлечения, ибо действительно любили, и страстно любили.

Была и ещё одна замечательная вещь в биографии Петра: он не играл в детстве в игрушки, он сразу начал с настоящих ботишков, с настоящих собственных солдат – своих друзей, мальчишек. И так же играючи взялся за дела государственные: ботинок пустить на воду – то же, что соорудить корабль по аглицкому примеру, а вести его мог хоть бомбардиром, хоть капитаном...

ИГРА и СТРАСТЬ – главные свойства Петра I...

Но отчего всё же не назвал он своего преемника? Неужто хотел оставить супругу-немку?.. Или из-за болезни не успел произнести имя?.. Так и осталось сие тайной...

Ваше величество, Екатерина Алексеевна, пожалуйста на трон!

Такие или подобные слова произнёс Меншиков, когда Верховный тайный совет решил провозгласить её императрицей. Первым, впрочем, те слова проговорил глубоко уважаемый Андрей Иванович Остерман. Однако сразу стало очевидно, что в главного советника и фаворита императрицы метит Меншиков.

Вряд ли Екатерина жаждала власти – она была сильна рядом с Петром, а одна? Магнитное поле её уже не питало. Разве осилить ей такую державу?

Екатерина приняла весть со вздохом, а день тот, вероятно, провела в своей комнате. С чего начинать, что делать? Может быть, вспоминала, как короновал её супруг. 15 ноября¹ 1723 года он издал манифест, в котором написал, что во всех христианских государствах издавна существовал обычай короновать своих жён, отмечал её заслуги в только что закончившейся двадцатилетней войне. Пётр писал: «Она была нашей помощницей и с великим самоотвержением участвовала в походах и военных действиях, одобряла нас и войска мужеством и геройством, переносила все трудности солдатской службы... Того ради данною нам от Бога властью за такие супруги нашей труды решили мы короновать её императорским венцом».

Коронация совершалась в Москве, в Успенском соборе. От красного крыльца к Архангельскому собору были сделаны помосты, покрыты красным сукном... Великое торжество устроил великий её муж. Однако что теперь последует? Будет она царицей, долго ли? Или верх возьмёт другая партия, которая за внука, великого князя Петра?

В Грановитой палате в день коронации устроен был парадный обед, на площади – угощение для народа. Однако слышались недоброжелательные речи: к чему нам немка?

Историк Костомаров отмечал: «В истории всех человеческих обществ мало отыщется личностей с такою странною судьбою, какова была у Екатерины I, второй супруги Петра Великого».

О происхождении Екатерины Алексеевны написал в своих «Записках» Эрнст Манштейн:

«Кажется, что желавшие прикрыть низкость породы Екатерины I, производя оную от лифляндского или польского дворянца, не размыслили достаточно о том, что таковым вымышленным происхождением нимало не усугубляется слава чрезвычайного возвышения её, ибо оным обязана она единственно прелестям красоты и ума своего.

Екатерина родилась в Якобштадте, небольшом городке в Курляндии, принадлежавшем в прежние времена одному командору Тевтонского ордена. Отец её, бывший учителем при школе в Якобштадте, имея многочисленное семейство, нуждался в содержании его. Глюк, лютеранский пастор в Мариенбурге, с которым отец Екатерины находился в дружеских связях, изъявил желание взять к себе одну из дочерей последнего и пристроить её; жребий пал на Екатерину. Пастор принял девицу сию в дом свой, имел попечение о воспитании её и в 1702 году помолвил её за одного шведского унтер-офицера, служившего в квартировавшем в Мариенбурге полку.

Чрез несколько дней по стоворе Екатерины россияне приблизились к Мариенбургу, осадили, покорили оный приступом и всех жителей пленили. По существовавшему тогда

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

обычаю, таковые пленные отсылались внутрь России, как для умножения народонаселения, так и для распространения ремёсел и художеств.

Русские вельможи, возымев отличное мнение о дарованиях лифляндок и шведок, старались помещать их в домоводки и наставницы к детям своим. По покорении Мариенбурга Екатерина досталась в удел генерал-поручику Бауру, но недолго оставалась у него; князь Меншиков увидел её, пожелал иметь у себя и получил согласие г. Баура. Вскоре после сего Пётр Великий, посетив любимца своего, нечаянно встретился с юною, прекрасною Екатериною; восхитясь прелестями её, немедленно спросил, кто сия девица? Кн. Меншиков, рассказав о состоянии Екатерины, превознёс похвалами способности ума и кротость нрава её. Император, пылкий в страстях своих, тотчас решился соединиться с Екатериною. С сего дня разделяла она с государем ложе, хотя чрез долгое время потом не была ещё объявлена супругою императора...»

Итак, Екатерина Алексеевна стала первой русской императрицей. При ней неотлучно находился Меншиков, а указы утверждал Верховный тайный совет. Одним из первых её указов был указ о бородах, а вернее – «Указ императрицы Екатерины I о содержании себя в чистоте и о бритьи бород отставным военным чинам».

Меншиков льстиво ввёл такое обращение к Екатерине: «Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская».

В указе о бородах упоминалось и ношение платья: «Штаб– и обер– и унтер-офицерам, капралам и рядовым, которые от полковой службы отставлены и отпущены в дома, вовсе и на время, и кои определены к делам, всем носить немецкие платья и шпаги и брить бороды... А ежели кто по тому указу исполнять не будет... того наказывать, урядников и рядовых батогами, а с офицером править штраф...»

Женщина есть женщина! Пётр I уже совершил такую «операцию», а Екатерина могла лишь повторить своего мужа.

Похоже, она была подавлена свалившейся на неё властью и передоверяла всё Меншикову, а чисто по-женски хотела лишь то поменять моды, то показать важность соблюдения семейных традиций.

Каждый день императрице поступали письма и жалобы. Но каким неприятным делом было разбирать их, вникать, наказывать! – от этого голова болела. Чему порадуешься, коли жалобы идут и идут? К примеру, жалоба на распутного помещика.

«Бьёт челом Зубцовского уезду Отрубского стану бывшего ротмистра Петра Васильева, сына Бахтеярова, дворовый его человек Фёдор Тиханов на означенного своего господина, а о чём моё челобитие, тому явствуют пункты:

1. Онный господин мой женат третьим браком и, забыв страх Божий и не памятуя о смертном часе... как от прежних своих жён, так и нынешней своей жены Марфы, Васильевой дочери, со иными чинит незаконное прелюбодеяние, а именно: с дворовою своею девкою Нефилою, Афанасьевой дочерью...

2. С другою своею дворовою девкою, Прасковьею, Константиновою дочерью, насильно преблудедейничает, которая от того беззакония обременела, и оную выдал замуж за дворового своего человека Логвина, Архипова сына, поневоле, а он, Логвин, сговорил прежде за себя иную дворовую же ево, Бахтеярова, жёнку, Марфу, Лазареву дочь, которая за то, что за него, Логвина, замуж не выдана, означенную Прасковью отравила мышьяком.

3. Он же, Бахтеяров, крестьянскую жёнку, имя не упомяну, в доме своём запытал и замучил до смерти.

4. Дворовым своим людям и крестьянам он, Бахтеяров, когда кто в хоромы придёт, святым иконам поклониться не велит, да и сам он, чаю что будет близко двадцати лет, к церкви Божией никогда не ходит и на исповеди у священника не бывает и Таин Божественных не приобщается...»

В беседке Летнего сада

Граф Яков Брюс, который так торжественно и чётко руководил в последнем пути своего кумира, поглядев на новое правление, подал в отставку. Екатерина подписала его бумагу о выходе из Верховного совета, наградила орденом – и он уже собирался в путь-дорогу.

Осень была ясная, лёгкая. Брюс прохаживался по дорогим местам, прощаясь с Санкт-Петербургом. Потеплевшими глазами смотрел на летний домик царя. Забрёл в Летний сад, сделанный в европейском виде, там боскеты перемежались с деревьями, кусты – со скульптурами. Античные фигуры – с мужскими торсами и женскими «штуками» грудными. Так их называл непривыкший и стыдившийся обнажённых фигур работный люд. Да и вельможные дамы ворчали на сие петрово новшество.

В саду было малоллюдно – уж не протестуют ли обыватели из-за этих грудных «штук»? Такие скульптуры, пожалуй, опаснее стриженных бород и обрезанных рукавов. Да, великий Пётр куда бы ни бросил взгляд – во всё вносил своё. В Сенате приказывал говорить «не по писаному, а своими словами, дабы дурость каждого видна была». Сад украсил обнажёнными «бабами» и амурами. Екатерина велела насадить тут поболее цветов, и это смирило обитателей «умышленного града».

Сидя в беседке, Брюс наблюдал, как цветы и листья перекликаются с нарядами дам, одетых в немецком духе. Как не покрасоваться на виду у важных вельмож и сановников, у моряков на судах, бороздивших Неву? Недурно и посидеть в беседке, посплетничать.

Девочки, а скорее отроковицы лет 12–13, шептались на аллее Летнего сада, скрывшись от гувернанток, их сопровождавших. Две из них – именитые, без которых сие повествование было бы неполным. Это Наталья Шереметева и Катерина Долгорукая. Да и третья, Марья Меншикова, тоже.

Заметив в беседке Якова Вилимовича Брюса, одна шепнула:

– Пойдёмте к нему, пусть погадает. – Долгорукая, подхватив подруг, потащила их к беседке.

Брюс сидел, вытянув длинные ноги, уложив одна на другую, прикрыв немного глаза, словно прислушиваясь к чему-то, одному ему ведомому. Скорбел по любимому императору или чуял в воздухе худые времена? Ещё недавно он чувствовал себя почти вровень с императором, они ценили и уважали друг друга. Брюсовы знания ни с чем не сравнимы, никого в России нет знатнее его в языках и науках, в астрологии и в алхимии. Он – потомок шотландских и ирландских королей. С Лефортом, Остерманом тайно говаривали про старинную легенду о чаше Грааля, о крови Христа, о том, что искать её след надобно не в Европе, а в северных землях.

Однажды провели прямую линию от Шлиссельбургской крепости к месту Петропавловского собора, царю понравилась та идея, и Пётр сам заложил первый камень. Вознёсся шпиль золотым крестом, а крест тот опирался на яблоко, которое есть тайный знак... В Европе они узнали о масонах. Царь, однако, был тем и велик, что не поддавался чужим словесам, брал лишь то, что полезно, любопытно для российского человека. «Знать – не значит подчиняться или исповедовать чужие обряды и законы», – говорил он. Ничем не могли совратить Петра с его православной точки опоры.

«Уж не космогонического ли происхождения сей человек?» – думал Брюс. Он был звездочётом и все земные явления связывал с небесными, знал о Луне и звёздах столько, сколько неведомо никому... В нём было нечто загадочное.

И юные княжны – Долгорукая, Меншикова, Черкасская, Шереметева – предстали перед его беседкой. Катерина, приседая и жеманясь, поклонилась:

– Яков Вилимович, вы знаете тайны земли и неба. Погадайте нам! Что вам стоит? Соболаговолите... Как погадать? Да вы ж по-всякому умеете... По Луне, на ладошках, по звёздам... Уже меркнется... Вы ж чудесник, всезнатный человек!

Брюс повёл глазами от одной к другой девице, помолчал, и в глазах его мелькнуло озорство, смешанное с напускной важностью. Ещё глубже, кажется, стали морщины, они, как шрамы, пересекали его лицо во всех направлениях.

– Ай-яй-яй! Вас ист дас, медхен?.. И вы, никак, желаете, чтоб я сразу всем гадал? Так не бывает. По одной, только по одной. – Он оглянулся вокруг. – Прочие вон с глаз моих, за кусты, за боскеты!.. Ах, медхен, медхен! Девицы, вступившие в пору амурных дел и стыдных мыслей! Сами от себя вы держите в тайне чувствования свои, оттого и решились выведать что-нибудь. Зер шлехт, медхен! Своя голова – царица, а вы... чего ждёте от меня? Света много, Луны не видно, как буду гадать?

– А вы по ладошке, Яков Вилимович, – шепнула Марья Меншикова, лицом совсем не схожая с отцом, ни хитрости в глазах, ни силы, волосы – белым облачком, личико – как пасхальное яичко. Отец хотел её сосватать с юным Петром, а у неё совсем иной человек поселился в сердце. Ничего не поделаешь, надобно отойти, – Катерина уже ручку протянула, и Марья с Натальей и Варей отошли за боскеты.

У Катерины лицо бледное, а глаза тёмные, блестящие, Брюс раскрыл её ладонь, поводил по ней жёстким своим пальцем, перевернул, вбок поглядел – долго молчал и наконец промолвил:

– Кровь долгоруковская так и кипит, так и играет в тебе... Только не всё судьба делает так, как кому хочется... Амур? Глубокая линия любви... Только к чему – или к кому?.. Ветры танцуют посредине... Многие бедствия ожидают тебя, храбрая княжна. Однако и силы твои великие...

– А ещё? Что ещё там? Чего ждать?

– Разве мало я тебе сказал? Прочее – сама уразумеешь... И иди. Ежели дождёшься – покой получишь, – закончил он.

У Катерины горели глаза, она уже знала толк в амурных делах, её «петиметр» – кавалер из австрийского посольства и очень хорош собой. А Брюс уже вынес заключение, что девица сия нравная, привередливая, капризная.

– Высоко взлететь – тяжело падать, – добавил он. – Власть и роскошь убивают чувства... На твоей голове может быть либо корона, либо – железный крест: берегись, красавица, власти, да и себя самой...

– Да почему, почему? – вспыхнула Катерина.

– Das ist фатум, судьба. Иди, – скривив губы, бесстрастно заметил Брюс, отвернувшись и произнёс сам для себя: – Чего ждать, чего гадать, коли не стало Петра Алексеевича? Он владел всеми основами знаний, стремился учиться, знал альфу и омегу всякой науки...

Между тем темнело, и на светлом небе обозначился бледный краешек Луны. Брюс поднял подзорную трубу, которую всегда носил с собой. Перед ним стояла Марья Меншикова. Долго молчал, глядел в небо, а сказал коротко:

– Знак твой в Плутонии, а у любезного тебе человека – в Меркурии, и озабочен он практическими делами... Весьма озабочен, кабы не повредило сие тебе. Хаос, хаос!.. Сосна и берёза не растут рядом – знаешь? Любить друг друга – не значит сковать другого... Суженый твой будет далеко...

Брюс знал «любезного» сердцу Марьи человека, даже учил его персидскому языку, и того должны послать в Персию. Звездочёт опустил подзорную трубу.

– А что потом? – вспыхнула Марья.

– Не ведаю. Иди!

Робея, предстала перед Брюсом Наташа Шереметева. Слыхала, что учёному ведомы всякие тайны, даже то, что под землёй, – по травам, камням, расположению угадывает он, где железо, а где медь, серебро, и называют его рудознатцем. Тот начал неожиданно:

– Вот бы кого мне в ученики! – Глядя в её нежное лицо, твёрдым пальцем провёл по ладони. – Среди человеков тоже есть золотые жилы... Таков был твой фатер Борис Петрович Шереметев... Умница, благоразумница, но... ждут тебя испытания. Только всех ближе ты к Небу, к Богу... Ах, медхен... Золото огнём закаляется, а человек – напастями... Но рано или поздно – вы вместе... когда белые птицы поднимут белые крылья... Чем глубже горе – тем больше вместится радости... тем громче звонят колокола.

Яков Вилимович на секунду прижал Наташу к груди и тут же оттолкнул.

– Дай Боже тебе справиться... *mit Fatum!* – и поднял вверх палец.

Стайку отроковиц позвали гувернантки, и они исчезли. А Брюс остался ждать, когда стемнеет петербургское небо...

Однако скоро заметил знакомый силуэт – высокую, тонкую фигуру в белом парике: неужто внук Петра I, будущий наследник Пётр? У юного отрока был хороший знак рождения – Весы, только не похоже, чтобы жил он в равновесии, покое. Ах, Питер, Питер! А кто это быстрым шагом догоняет его? Да то ж Меншиков! Он поселил у себя царевича и следит за ним...

* * *

Не знал Брюс, что Меншиков и на следующий день опять искал царевича.

Остерман советовал отроку подружиться с Петром Шереметевым – и юного Петра приглашали в его Фонтанный дом. Только похоже, что более, нежели к Петру Шереметеву, благоволил он к сестре его Наталье. Как-то она сказала, мол, оба мы без отца, без матери, сироты, и это ему понравилось. А ещё пахло чем-то давним от её бабушки Марьи Ивановны. Она вспоминала зятя своего фельдмаршала Бориса Петровича, дружбу его с царём Петром I.

И в тот день, завидев карету наследника на Фонтанке, Наташа выбежала к воротам и летала как ласточка, показывая графские хоромы. А потом они уселись в бабушкиной комнате и слушали её рассказы.

Не выпуская из рук пальцы, та рассказывала о знатном путешествии Бориса Петровича по заграничным краям. Какие необычайные приключения совершились в той поездке! Обоз был великий, несчётно подвод – там лежало всё, что надобно для долгой дороги, а ещё дары иностранным королям. Польскому Августу, венскому Леопольду, папе римскому и многим, многим... А в Польше случился «рокош» – с мятежами и убийствами. И только знание польского языка да галантность Шереметева спасли от злодейства. А ездил он под именем ротмистра Романова и своей фамилии не называл. В Вене его с почтением принимал королевский двор, и очаровал он всех любезным обращением с дамами и учтивостью...

Пётр I велел искать союзников на юге Европы – оттого пришлось проявить религиозное свободомыслие. «Ротмистр Романов» ради того посетил католический собор. Очень нужна была встреча с римским папой, чтобы, как велел Пётр I, заручиться и его поддержкой в будущих войнах. За Борисом Петровичем в той поездке следили секретные агенты и писали: мол, подозрение вызывает сей москвит, желает он посетить остров Мальта, а что думает – неведомо, разгадать его мысли трудно, похвалы его сомнительны... На обратном пути с Мальты – тоже приключения: море так разбушевалось, что они еле живы остались... А всё же дело царское сделано: число наших сторонников прибавилось...

– И государь сказывал, когда они встретились: «Зело благодарен я тебе, ротмистр Романов, то бишь генерал Шереметев!» Вот каков мой зять Борис Петрович, – горделиво повер-

нув голову, сказала бабушка. – Вот и ты, Петруша, да и сестрица твоя, вы сидите близ трона – так про этакое-то запоминайте, авось пригодится.

– Думаете, служить царю и отечеству легко? – продолжала она. – Царь-то молод, скор, словно молния летает. С ним мешкаться – ни-ни. «Не мешкай! Не чини отговорки!» – любимые его словечки... Дал царь приказ: «Взять крепость Мариенбург! Паки и паки!» И всё!..

Взятие Мариенбурга было действительно большой победой Шереметева. Крепость окружена была морем, неприступна, как её взять? Сын фельдмаршала Михаил предложил: пробить брешь в стене и туда устремиться войску. Но на чём плыть? Как доставить снаряды? Пришлось разорить соседнее селение, поломать дома – из брёвен сделали плоты... Осада была долгой. Когда открылись ворота, Шереметев въехал на белом коне, его встречал пастор Глюк, а генерал удивлялся: «Почто так долго не пускали нас? Зачем столько людей погубили?»

– Но была и великая прибыль, – заметила бабушка. – В доме пастора Глюка Шереметев увидел служанку, которая подавала ему кофе, – хороша, услужлива, говорит по-немецки. И Шереметевы (был там и сын Михаил) взяли её к себе, мол, будет «портмоей», солдатские порты стирать... А вот поди ж ты – из портмоей-то вышла царю жена, ныне – императрица...

Марья Ивановна не пропускала случая похвалить свой род, поучить уму-разуму будущего наследника и поворчать на выскочку Меншикова.

И тут, словно отзываясь на её мысли, у ворот раздалось лошадиное ржание, гвалт и грубые голоса. Она выглянула из окна. Господи, сам Меншиков!

– Где великий князь? Кто разрешил покинуть мой дворец, ехать в Фонтанный дом?

Пётр Шереметев съехался, сестра его перепугалась, но бабушка поднялась во весь рост – лицо её стало высокомерным – и промолвила хозяйским голосом:

– Что стряслось, Александр Данилович? Отчего такая хлопотня?

– Да вот, – гость снизил тон, – Остерман дожидается Петра Алексеевича, а его нет и нет. Учиться надобно.

– Учиться? – усмехнулась бабушка. – А ты знаешь, что твой Остерман учит только арифметике да греческому, а я – про жизнь истинную рассказываю.

Меншикова словно приструнили – притих и ласковым голосом пригласил царевича в экипаж. Камердинер усадил всех, и лошади понеслись на Васильевский остров, к меншиковскому дворцу...

Хитроумный Меншиков и благодушная императрица

Как разглядеть наследника великого Петра, его внука? Жил он недолго, воспоминания разноречивы, окружение – тем более. Художники писали его, но как далеки те портреты от истинного, ещё не сформировавшегося отрока! Лицо правильное, продолговатое, как у отца; большие грустные глаза – в мать; а от деда – ничего. На некоторых портретах проглядывает редкое сочетание мрачности и ангельского выражения. Но нет ни единой приметы бурной энергии титана. И всё же был один портрет, на котором отрок, более похожий на юношу, весь в движении. Только написан тот портрет не современником, а Валентином Серовым в начале XX века: это настоящий Пётр в самую, быть может, лучшую свою минуту! Весь – порыв и страсть. Не оттого ли, что изобразил его Серов рядом с милой ему принцессой Елизаветой, дочерью Петра I, к тому же во время охоты? В жизни же он пока оставался робким, порой капризным отроком.

А каков на портретах Меншиков, который поселил царевича в своём дворце и простёр на него свою власть? Это и хитрый лис, и могучий лев: смелый, отчаянный, мужественный. Подбородок выступает вперёд, на нём глубокая ямка – признак властности. Сын пирожника, мужик из народа, друг царя, светлейший князь Священной Римской империи, он поднялся из низов на самую высокую ступень лестницы.

Мало того: фаворит Петра стал фаворитом Екатерины I. Когда-то она была его подругой, и теперь перед Александром Даниловичем открывались заманчивые перспективы. Редко кто из неродовитых выдерживает такой взлёт.

Историк Костомаров вообще считает, что воцарением на трон Екатерина обязана Меншикову. Дело в том, что после смерти императора образовался заговор, и участники его задумали отправить Екатерину в монастырь. Они делали ставку на армию, находившуюся в Малороссии под командованием Михаила Голицына. Светлейший князь случайно узнал об этом и предотвратил заговор. Но благодушная Екатерина не стала преследовать заговорщиков. Мало того: ради Меншикова Екатерина понизила несколько знатных семейств. Могла ли императрица не выказать благодарности Меншикову?

Костомаров писал: «У Репнина отнял власть Меншиков; канцлер Головкин, при избрании Екатерины заявивший, что не худо было бы услышать об этом голос народа, должен был замолчать, Василий Лукич Долгоруков удален был в Варшаву послом, а Остерман, постоянно державшийся стороны великого князя, вовремя успел притвориться больным и через то впоследствии поставил себя так, что во всё царствование Екатерины продолжал оставаться у дел. Сделавшись самодержавной государыней, Екатерина постоянно оказывала знаки любви и внимания великому князю, и это помогло тому, что её короткое царствование прошло без важных потрясений».

Хитроумный князь возымел целью обручить свою дочь Марью с царевичем Петром. Шёл он к своей цели ловко и ласково и добился своего. Екатерина уже болела (без Петра I она быстро теряла силы, к тому же образ жизни, излишки в еде и питье делали своё дело) – она не процарствовала и полных двух лет. И тогда Меншиков, словно шахматист, сделал хитрый ход: он вдруг стал сторонником царевича Петра, как большинство старинных фамилий.

Ослабевшая Екатерина благословила Петрушу с Марьей Меншиковой, и отец еле скрывал переполнявший его восторг. Теперь надо было учить, воспитывать царевича, но, как пишут современники, светлейший едва выводил своё имя (правда, верится в это с трудом), и тогда в учителя он взял Андрея Ивановича Остермана.

Математика, история России, история Европы, войны Римской империи, галлов, русские летописи – это лишь часть предметов, которыми Остерман жаждал напитать юного

царя. Вместе с тем Меншиков боялся влияния сторонников царевича Алексея. Они были живы, они ненавидели Петра I и могли внушить Петруше зловерные мысли!

Остерман знал языки, науки (стоит взглянуть на его портрет работы Таннауэра). У Меншикова ничего этого не было, но он был столь хитёр и памятлив, что, слушая сановников, усваивал, ловил удачные слова и выражения и питался ими, как пчела нектаром с цветков. И умел легко вернуть удачное выражение в беседе: «Мысль – как птица, любит простор, в клетке из слов не может расправить крылья, потому не надо держать её в себе», «Так делал великий Пётр», «Ученье – свет, неученье – темнота. Знания – пример для народа, от Балтии до Сибири», «Любите семью свою, но не делайте оков из неё».

Мальчик, будущий император, молча слушал, кивал, однако приходила ночь, и в голове его теснились сомнения. Мог ли не вспоминать несчастного отца? Бабушку Лопухину, которая бедствовала в Суздале по воле деда? Народ вспоминал их по-доброму.

Обычно такие ночные видения одерживали к утру победу, а утром отрок делился со своим властителем:

– Александр Данилович, ведь царь может всё? Он самодержец? Так желал бы я, когда стану царём, освободить свою бабушку из наказания...

– Можно, Пётр Алексеевич, отчего же нет? Всё в вашей власти.

Освободить Лопухину – значит выпустить на волю из клетки тех, кто называл деда антихристом. Но Меншиков не перечил. Он не догадывался, что под ангельским ликом скрываются опасные мысли. К счастью, отрок – пока! – не выказывал желания быть главным человеком в стране.

Александр Данилович между тем не догадывался, что отроку в его дворце становится скучно. Даже Брюс отмечал природные способности наследника, однако учился он без рвения. К тому же рядом была Марья, с которой он уже помолвлен, а ему любя совсем другая, дочь Петра и Екатерины – Лиза.

Привелось как-то Петруше наблюдать сцену между Марьей и Катериной Долгорукой (тоже видная девица). «Ах, покажите мне царское кольцо (которое подарено Марье в день помолвки)!» – протянула руку и надела кольцо на свой палец. Марья стояла, словно столб, а лицо у неё было, как у куклы. Катерина топнула ножкой, отвела палец, любуясь бриллиантами. Не с того ли дня стал он всё холоднее с Марьей, и поселилась в нём мысль, чтобы отменить помолвку.

Замечала всё это Дарья Михайловна, жена Меншикова, и горевала, и плакала втихомолку. Утешала её только сестра Варвара: «Погоди, Дарья, что ещё станется со всеми нами. Твой-то ума лишается от власти... А коли императрицы не станет? Ведь худое её здоровье, худое... Светлейшему-то нашему пора бы подумать про то да и ослабить вожжи».

Однако, кто быстро по лестнице вверх поднимается, тот не может остановиться. Уверенный, что станет в родстве с царским родом, Меншиков даже заказал портреты своего семейства для царского альбома...

Белые майские ночи – не лучшее время

Чем больше Яков Вилимович Брюс наблюдал картину жизни верхов без Петра I, тем менее испытывал желания окунуться в сие общество. В первых числах мая белой ночью он бродил по граду Петрову. Не стучался к знатым, а наблюдал...

Меншиковский дворец (всем дворцам дворец!) сиял тысячами свечей. Левый берег Невы застроен от Смольного до Новой Голландии, видны ветряные мельницы. Земля от Мойки до Фонтанки ещё не осушена, грязно, болотисто... Вымощена только набережная вдоль Невы – ещё при государе. Стоят частные дома-мазанки с пристроенными наверху мезонинами, на многих нарисованы диковинные птицы, вырезанные из дерева фигурки, всё больше амуров красного цвета.

Огибая дом Ягужинского, Брюс, как и следовало ожидать, услышал развесёлую музыку. Хозяин был мастер по части новых затей. Видимо, в зале было холодно. Генерал, распорядившийся балом и одушевлявший общество, затеял такой танец, что даже дамы с оголёнными плечами скоро сбросили свои душегрейки. Танец тот представлял забавную смесь англеза, польского и штирийского танцев. Красуясь с Головкиной в первой паре, Ягужинский выдумывал разные фигуры, а остальные повторяли.

При дворе появилась новая мода: перемежать танцы с выдумками-выкрутасами. К примеру, кавалеры становились на одно колено и целовали подол платья своей дамы, те делали глубокие реверансы, а вместе они щёлкали в воздухе пальцами. Распорядитель, похоже, объявил «табачную паузу», и все потянулись за табакерками с нюхательным табаком. Головкиной пришлось в голову стянуть с кавалера парик – и мужчины вынуждены были обнаружить дурные причёски или, хуже того, лысины... Когда же был поднят тост за танцующих дам – все с особой охотой устремились к столикам, уставленным серебряными чарками.

Приближаясь к долгоруковским хоромам, Брюс увидел высоченную сероватую фигуру в треуголке – и вздрогнул. Фигуру обрисовывала голубая линия. Неужто призрак Петра? Брюс устремился к удивительной фигуре, но не сделал и десяти шагов, как призрак растаял в свете белой ночи.

...А что делается в доме Долгоруких? Там не так многолюдно, семейство, готовое горой встать друг за друга, о чём-то судачит. Им, конечно, поперёк горла Меншиков. Да и Остерман, и он, Брюс, тоже... Для них он иностранец, чужой учёный, да ещё прорицатель, любимец Петра I.

Брюс был человек с любопытством и велел ехать за город: решил заглянуть в какую-нибудь корчму, послушать, о чём там судачат.

...В корчме было жарко и душно, запах табака мешался с сивухой. Работные люди раселись вокруг деревянного выскобленного стола. Явилась хозяйка, принесла жбан с квасом, штофы с водкой, пироги и брякву, и начались разговоры.

– Сам стоял на карауле, сам видал... идёт это она, еле ноги переставляет... то ль пьяненькая, то ль лихоманка её схватила... Баба – она и есть баба, хоть и царица...

– У, с-сатана заморская, жёнка антихристовая!.. Какой сам был, такую и нам оставил.

– Лукавой бабы чёрт в ступе не утолчёт... Да ещё и немка.

– На столбе бумагу повесили про болезнь её, может, приберёт Бог... Ляксандра Данилыча – вот кого надоть...

– Э-э-э, на чём нам Меншиков? Пусть царевич Пётр правит, сыночек блаженного царевича Алексеюшки-и, и-э-х! Нам старые порядки надобны, православные!

– А верховники тайные – их-то к чему выдумали? Дело это тоже нечистое, антихристово!

Гудела шумная компания, горячилась, воздух стал сизым от табачного дыма, несло сивухой и рыбным варевом.

Хозяйка ловко носила тарелки, кружки, проворно бегала на кухню и обратно и при этом успевала прислушиваться к разговорам, которые вели гости, а за дверью шепталась о чём-то со своим мужем. Никому не приходило в голову, что то, о чём говорили гости, записывал корчмарь, а потом передавал в Тайную канцелярию.

На прощание хозяйка весело улыбнулась Брюсу, открыла дверь и напутствовала: «Гость – гости, а пошёл – прости!» А он подумал: небось, через день-два схватят кого из случайных путников, и невдогад им, кто донёс...

«Эх, болтуны, болтуны! – и наверху, и внизу... Чего только не говорят про Брюса, как не называют! Волшебником, звездочётом, гадателем... Зер шлехт, доннер веттер! Знали бы вы, в чём моя сила... Владею я тайной характера, а характер и есть судьба! Живу долго, гляжу зорко, знаю всех не понаслышке: и верховников, вельмож, князей и отроковиц – вижу, куда нрав сей поведёт... Юный Пётр? Петруша... В нём живёт мечта, да только не знает, как ею распорядиться. Упрям, что его отец, да только сможет ли соединить мечту свою с упорством, как дед?..

Меншиков? Он хотел бы продлить петровские новшества, да ведь честолубие пожирает, не справиться ему с верховной властью. Да и покажет ещё себя пленённый им Петруша... Катерина Долгорукая – вот у кого нрав сильный, может и победить в дворцовых интригах... Нет, надобно ехать в Москву!»

Отчего всё же император не назвал имя преемника? От болезни ли – или оттого ли, что потерял дар речи? А что, если за этим молчанием скрывается его воля? Не зря при жизни короновал любимую «Катеринушку». В ней чувствовал продолжение своей линии? Ошибся царь – разве может она сравниться с цезарем?! Мыслимое ли дело? – повелела отмечать праздник «первое апреля», введенный супругом, то есть разыгрывать обывателей, устраивать фейерверки, шутить! Ещё года не прошло, ещё не отряхнула пыль со своих ног. С Меншиковым в дружбе, а его, Брюса, боится, – говорят, называла даже нечистой силой.

Боже правый! Государь ценил его вещий дар, способность предсказывать, угадывать судьбы по звёздам и луне. Шутливо просил на ассамблеях: «Я хочу, чтобы в моем окружении не осталось мздоимцев и казнокрадов, Брюс! Погляди на свои звёздочки да передвинь их так, чтобы сбылось моё желание!» – и хохотал во всё горло.

Скоро не станет ослабевшей императрицы, посадят на трон мальчика – вот когда начнутся интриги, распри. Ни один из верховников не захочет отдать и кончика своего мизинца. Меншиков – не худший из всех, однако с характером его, высокомерным тоном не смирятся другие.

Какая злость и беспомощность, какая безобразная сцена разыгралась на последнем заседании совета! Все обрушились на Брюса, они хотят удалить его из Верховного совета. Хм! Он сам напишет бумагу об отставке.

Нападают даже на его латинскую веру. «Как ты был, так и остался нерусским!» Знали бы вы, дурни, как ценил знающих людей Пётр! Брюс исполняет православные обряды – что же ещё?.. Но верит в астрологию, и государь его не осуждал за то, ценил его лунный календарь, алхимические опыты, а предсказания умел обратить в нужную сторону...

Не успел Брюс додумать свою мысль, как на дороге показался бегущий человек, объятый пламенем. Пожар?! Действительно, невдалеке занялся пламенем деревянный дом... В Москве все дома деревянные, потому и еженощные пожары, но здесь, в Петровом граде, на болоте? Небось, по своей дурости или по пьянке уронил свечу, загорелся и бежит мужик, объятый пламенем. Что думать-гадать? Брюс схватил горящего мужика, бросил на землю и стал посыпать песком, из кареты выхватил аптечку и принялся поливать из склянки раны...

Крикнул кучеру, веля мчаться к дому, – там были у него особые снадобья. В Москве возле его Сухаревой башни то и дело горели дома, и «шотландский Парацельс» то тушил пожары, то лечил пострадавших.

Завтрашним днём весть о Брюсе, о сгоревшем и спасённом им мужике дошла до Верховного совета. Не умея придумать ничего более дельного, обвинили его в чернокнижии, в колдовстве, а Брюс, разозлившись, тут же написал бумагу об отставке...

Стоял май, город бредил в белых ночах, головы сенаторов пухли от неразрешимых вопросов.

...А в Кускове в те самые майские дни ранним утром послышался звон колоколов – медленные, печальные звуки перепугали жителей. Бабушка Марья Ивановна и Наташа вскочили, прислушались: звонили у Черкасских и в Перове, да так печально! Что стряслось? Беги, Наташа, к Черкасским!

Догадка бабушки оправдалась: звон был особенный. Оказалось: скончалась государыня Екатерина I. В Петербурге и в Москве, во всех прочих городах зазвонили печальные колокола. Всюду читали манифест: «Шестого мая 1727 года около девяти часов пополудни Екатерины Алексеевны не стало».

Неумолчно трезвонили колокола, в растерянности пребывала страна.

И что же? Великий князь Пётр Алексеевич двенадцати неполных лет был провозглашён императором. Значит, править будет «полудержавный властелин» Меншиков?..

Василий Ключевский так охарактеризовал царствование Екатерины:

«Во всё короткое царствование Екатерины правительство заботливо ласкало гвардию... Императрица из собственных рук в своей палатке угощала вином гвардейских офицеров. Под таким прикрытием она царствовала с лишком два года благополучно и даже весело, мало занимаясь делами, которые плохо понимала... Между тем недовольные за кулисами на тайных сборищах пили здоровье обойдённого великого князя, а тайная полиция каждый день вешала неосторожных болтунов».

Более подробно осветил события XVIII века историк Сергей Шереметев, знавший всё по семейным документам и пересказам. Он писал:

«Между страшным розыском 1718 года и воцарением Петра II всего 9 лет. Ещё живо всё в памяти, и даже не сняты с Красной площади орудия казни. Современники переживали перелом, чреватый неисчислимыми последствиями... Можно себе представить, что произошло, когда на престол вступил сын царевича Алексея. С Екатериною отходило прошлое, для многих смутительное, и прекратился соблазн, небывалый после великого князя Василия Ивановича: наличность двух жён! Как тогда – Сабурова Соломония в Покровском монастыре Суздальском, а на престоле Елена Глинская, так и теперь Евдокия Лопухина в том же Покровском монастыре, когда на престоле её соперница; с Запада пришли как Елена (Глинская), так и теперь Екатерина. Пётр II являлся примирительным звеном между двух течений, прочно уже установившихся. С одной стороны, как последний Романов по мужской линии, он примыкал по крови Лопухиных к древней Руси и преданиям её. С другой, как внук герцога Брауншвейг-Люнебургского, он не был чужим князьям имперским Германии и тем олицетворял то, к чему стремился Пётр I, всегда искавший брачных сближений с царственными домами Европы».

Российский царский трон переходил к внуку – Петру Алексеевичу Романову.

Царевич Алексей и принцесса Брауншвейгская

Так звали отца и мать юного Петра II. С давних пор русские цари искали союза с европейскими монархами, а самый краткий тут путь – браки с именитыми наследниками. Так же поступил и Пётр I: в невесты своему сыну выбрал немецкую принцессу Шарлотту.

Как правило, браки те не были счастливыми, дети несли печать родителей на своей судьбе. Брак Алексея и Шарлотты был следствием дипломатических переговоров Петра I, польского короля Августа II и австрийского императора Карла VI, причём каждый из них хотел получить свою выгоду из семейного союза династии Романовых и древнего германского рода Вельфов – он был связан множеством родственных нитей с правившими тогда в Европе королевскими домами.

Принцесса Шарлотта надеялась, что её брак с «варварским москвитом» не состоится. Но он состоялся, и с первых же дней возникло непонимание. Несогласие дошло до того, что царевич стал советовать ей уехать от него в Германию. «Если б я не была беременна, – писала Шарлотта своей матери, – то уехала бы в Германию и с удовольствием согласилась бы там питаться только хлебом и водою. Молю Бога, чтоб Он наставил меня Своим Духом, иначе отчаяние заставит меня совершить что-нибудь ужасное...»

Историк Костомаров писал, что «царевич жил в Петербурге с женою, а принцесса имела свой двор», окружена исключительно немцами; между нею и Русью не образовалось ни малейшей связи. При ней постоянно была её подруга, вооружавшая принцессу и против русских, и против мужа. Невыносимыми казались для немок грубые приёмы жизни и обращения. Жизнь Шарлотты отравлялась разными огорчениями и лишениями. Принцесса постоянно нуждалась, не могла правильно платить своей немецкой прислуге и брала в долг у купцов.

Она рано умерла, и Пётр I после её смерти объявил публично, что сын его дурно обращался с женою. Царевич, убегая сообщества немилой жены, проводил время со своими русскими приятелями, и особенно любил общество духовных, беседовал с ними о религиозных предметах, о разных видениях, которым от души верил, а также пьянствовал с ними, быть может, с горя, как русский человек. В минуты откровенности, вызываемой излишним вином, царевич высказывал чувства: «Вот, – говорил он, – чертовку мне жену навязали! Как к ней приду, всё сердитует, не хочет со мной говорить! Всё этот Головкин с детьми!.. Коли буду у власти, то быть голове его на коле, и Трубецкому... они к батюшке писали, чтоб на ней мне жениться».

«Для чего, – замечали ему, – ты так говоришь? Подслушают». «Я плюю на всех, – говорил пьяный царевич, – была бы мне чернь здорова; когда время будет без батюшки, я шепну архиереям, архиереи священникам, священники прихожанам, – так они не хотя меня властителем учинят!»

Когда его звали на какой-нибудь парадный обед у государя или у князя Меншикова или на спуск корабля, он говаривал: «Лучше бы мне на каторге быть или в лихорадке лежать, чем туда идти!»

В 1714 году царевича отпустили в Карлсбад для лечения. Он оставил в Петербурге беременную супругу, уехал в Германию, лечился в Карлсбаде, занимался там чтением церковной истории и делал из неё выписки. Всё это касалось обрядов, церковной дисциплины, спорных пунктов между Восточной и Западной церковью.

Немецкая родня невесты Алексея хорошо знала, что его женили насильно, что Алексей, как русский человек, поддерживаемый соотечественниками, отказывался от брака с немкою. Однако брак этот был совершён 14 октября 1711 года по воле царя и в его присутствии.

После брачных пиршеств Пётр послал царевича для собрания провианта в Польшу; там молодая чета прожила вместе с полгода, нуждаясь в деньгах, а потом, в 1712 году, Пётр велел ехать в Петербург. Кронпринцесса пришла в ужас. «Моё положение, – писала она родителям, – гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить чье-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит ещё менее, чем когда-либо... царь ко мне милостив; его жена под рукой вредит мне всевозможным образом, ибо она ненавидит меня столько же, сколько мне приходится её опасаться, т. е. более, чем можно себе вообразить».

О русском народе, среди которого ей предстояло жить, она составила себе самое невыгодное мнение. Не нравились ей русские нравы, нечистоплотность. «Не говорю уже о том, – писала она, – что лютеране в их глазах не много лучше самого дьявола, – они столько их ненавидят и считают себя осквернёнными их прикосновением...» К такому взгляду на круг, в который бросила судьба Шарлотту, присоединилось ещё то обстоятельство, что служившие при её дворе распустили слухи о двусмысленных отношениях кронпринцессы к одному молодому придворному, эти слухи внушали подозрения даже родным Шарлотты. Всё это было причиной, что, вместо поездки в Петербург, она под предлогом неимения денег уехала к отцу...

12 октября 1715 года Шарлотта родила сына Петра, а через десять дней скончалась.

Ещё до своего разрешения от бремени принцесса предсказывала свой конец, а после разрешения, которое совершилось довольно легко, с досадой слушала поздравления, говоря, что лучше было бы, если бы вместо пожеланий они молились Богу о кончине её. Кронпринцесса перед смертью написала к царю Петру I письмо, исполненное благодарности, а своему гофмаршалу Левенвольду поручила донести её родным, что она, пребывая в России, всегда была довольна, что со стороны государя не только всё было исполнено по брачному контракту, но ещё и сверх того оказаны были ей различные милости.

Шарлотту похоронили в Петропавловском соборе через шесть дней после смерти.

В доме царевича, где должно было происходить поминовение по усопшей, царь вручил царевичу публично письмо.

Свекровью Шарлотте приходилась первая жена Петра I Евдокия Лопухина. Царь её не любил за некие провинности и сопротивление его реформам и оттого отправил в монастырь. Однако она имела смелость называть себя императрицею. И когда наследником престола объявили Петра II, она писала письма своему царственному внуку. Вот одно из этих писем:

«Державнейший император, любезнейший внук! Хотя давно желание моё было не токмо поздравить Ваше Величество с восприятием престола, но паче Вас видеть, но по несчастию моему по сие число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допусая до Вашего Величества, послал меня за караулом к Москве. А ныне уведомила, что за свои противности к Вашему Величеству отлучён от вас; и тако приемлю смелость к Вам писать и поздравить. Притом прошу, если Ваше Величество к Москве вскоре быть не изволите, дабы мне повелели быть к себе, чтоб мне по горячности крови видеть Вас и сестру Вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей. Евдокия Лопухина».

* * *

Отцом юного императора (которого вскоре должны короновать) был, как уже сказано, сын Петра I царевич Алексей. Личность сложная, неоднозначная, упрямый противник петровских реформ. О судьбе его и кончине написано много, а мы приведём редкие документы из шереметевского архива. Однако прежде вообразим, какой диалог мог бы состояться у царя с его самым уважаемым сподвижником, фельдмаршалом Шереметевым, как раз перед обсуждением в Сенате вопроса о судьбе сбежавшего за рубеж царевича.

Ш.: Дело царевичево не только в том, что он бежал, а в том, что старая Русь поддерживает его, не готова она на европейские новшества. Боятся люди потерять облик свой.

П.: В чем облик тот? Сидеть неподвижно, словно брюква в земле?

Ш.: Брюква-то брюква, но из неё морковь не вырастет, да и время для роста своё, быстрее не вызреет.

П.: Хочу я, чтоб европейское, лучшее у нас распространилось, чтобы фабрики, заводы, искусства развивались, чтобы грамоте учился народ.

Ш.: Справедливое то дело, и учиться, и строить корабли, фабрики надобно, да только и дух народный не след забывать. Дух его да вера – основа могущества государства... И насчёт наследования престола царского закон есть: сынов своих жалеть, готовить к власти.

П.: Закон – не стенка, за которую слепой держится! Надобно думать, что после себя оставить. Умри я – кто поведёт корабль российский и куда? Знаете, скольким болезням подвержен ваш царь... Останется Алексей – вы первые моему делу измените, за ним назад побегите.

Ш.: Время надобно и мера, скоро ничто у нас не делается, дух народный, его свечаи-обычаи, песни, сказки, предания нельзя забывать, они питают людей. Вспомни времена Самозванцев: уже Москва пала, присягнули Лжедмитрию, и Шуйский умный не сладил дело, а как князь Пожарский поднял народный дух – так и выгнали супостатов.

П.: Я ли не делал чего для народного духа? Одна Полтава чего стоила! Однако не одно воинское достоинство надобно поднимать, надо, чтоб культура, науки, знания были, чтоб не обжирались на чужих поминках русские гости, а историю не только свою – древнюю знали.

Ш.: Однако Венеры да Марсы не заменят Троицу и Дом Пресвятой Богородицы – так говорят царевичевы сторонники, и есть в их словах правда.

П.: Да вы что, не знаете, что и Лопухин, и Глебов сознались, покаялись? А какие письма привёз Скорняков из Суздаля!

Ш.: Эх, Пётр Алексеевич! Какие показывали, а какие и не показывали тебе письма... Что рыщут за твоей спиной – передадут ли допросчики?... Вон ходят слухи, что Щербатов сказал правду, – так ему язык велят отрезать...

П.: Слухи, слухи... Над слабыми умами они власть имеют. В детстве моём пустили по Кремлю слух, что Иван, брат мой, убит, и ударили в набат, поднялись стрельцы; вышла матушка с сынами на руках – и стихло, но снова кто-то слух пустил, что Иван Нарышкин – изменник, и убили его. Вот от какой малости власть зависит.

Ш.: Веришь ли, государь, что Глебов к трону хочет пробраться? Веришь ли, что царевич хотел против тебя с чужеземцами идти?... Да и был ли заговор-то? Подумай: ежели прольётся напрасная кровь, грех на душу возьмёшь, и падёт та кровь на все поколения Романовых.

П.: Что же, оставить то дело злодейское, не судить? Не бывать этому! Царевича, сына своего, я простил за чистосердечное признание, но Кикина – никогда! И суздальский розыск не оставлю. Вот мой указ – подписуйся!

...Тяжело было гусиное перо, которым подписывали господа сенаторы тот указ.

Царевича Алексея из-за границы привёз Толстой. Алексей оказался в Москве, в Преображенском. Всё перепуталось у него в голове: ночь – день, утро – вечер, сон – явь, видения – предметы... То уснёт не ко времени, на закате, то ломает глаза об чёрные стены и замрёт в тишине, задрожит... Не находил себе покоя, почти не вставал с постели, лежал, забившись в угол, подтянув тощие колени к подбородку, сжимая костяшки пальцев... А то вскакивал, бросался в угол, к иконам, бился головой об пол, чуть не на крик повторяя молитвы... Матушку свою – слава Богу! – ничем не выдал: не посылала, мол, его в чужеземные страны,

не желала смерти государю, не имела мечтания сесть на троне. Иное дело – Кикин, Лопухин, Афанасьев...

Если засыпал, то совсем ненадолго, и снилось что-то страшное, а иной раз – крылья ангельские за спинами страдальцев. Или наплывали сцены из Неаполя и Вены, и в красотах тех городов являлись чудища.

Единым спасением от кошмаров казалась Ефросинья, мысль о ней только и утешала. Милая его отрада! Ни глаз больших, ни бровей насурьмлённых, ни реверансов томных, никакой особой красы, голова гладкая, как яйцо, но как улыбнётся толстыми своими губами, взблеснут глазки, захохочет (зубы – точно вложенные в кокошник жемчуга), так и расцветает душа Алексея.

Горьким был день, когда расставались в Риме: он поехал через Инсбрук, она – по более спокойной дороге, сам настоял, ведь была она на четвёртом месяце, тяжёлая. Писал ей с дороги: «Матушка моя, маменька, друг мой сердешный Афросиньюшка... береги себя, ехай неспешно, Тирольские горы каменисты, и чтоб отдыхала где захочется, и денег не жалела, а купила коляску покойную».

Привезли его в Москву. Допрашивали в Кремле.

Сенаторов своих Пётр сам через занавеску наблюдал: что сказывают, каково держатся?..

Пётр Андреевич Толстой – умная голова, верная рука – извлёк-таки царевича из иностранных стран...

Вот непринуждённо, легко ступил на порог Ягужинский, незнатный, но умный поляк, первый кавалер на ассамблеях, прокурор. Вот Меншиков, минхерц, ненавистник Алексея. Как-то ему, замешанному в казнокрадстве, Пётр пригрозил низвести «в прежнее состояние», тот не растерялся: надел фартук, явился с коробом пирогов, вот, мол, я в прежнем состоянии, – и Пётр простил его.

Склонив голову под притолокой, вошёл Головкин – «коломенская верста», сел, достав неизменные чётки (успокаивает нервическую свою натуру), скуповат, даже жаден, однако знает царскую службу...

Долгорукий – честен, прям, но горяч, как всё его семейство...

Шафиров Пётр Павлович – вице-канцлер, хитёр, умён, любезен, только ростом маловат да растолстел в последнее время, – этот непременно поддержит царя.

Склонясь у притолоки, еле передвигая ноги, выплывает Борис Петрович, граф, – он себе на уме и гордец! – в последние недели не показывается, бежит от Петра, яко Нарцисс от Эхо... Знатен! Здравый разум имеет, золотой середины держится. Однако в политике золотой середины не бывает...

Наконец все собрались. Пётр покинул своё укрытие и, быстрым шагом подойдя к столу, заговорил короткими, рублеными фразами:

– Ведомо вам, господа министры, что признались – Иван Афанасьев, Никифор Вяземский, Александр Кикин, Глебов Степан, отец Досифей – в своих крамолах. Ведомо вам, что задумали супротив царской власти... Ежели не вырвем злодейский корень – все дела наши прахом пойдут...

Царевича содержали в Преображенской тюрьме. Потом повезли в Петербург – там должно быть главное судилище.

* * *

В архиве С.Д. Шереметева обнаруживаем такой документ:

«По поводу отречения Царевича Алексея де Бие говорит: “Позволю себе почти положительно утверждать, что все русские, к какому бы сословию они ни принадлежали, разделяют эти чувства: нет ни малейшего сомнения, что, пока жив Царь, всё будет иметь вид покорный и послушный, но если Царевич Алексей будет жив в то время, когда Царевич Пётр не достигнет ещё известного возраста (малолетний сын Петра I. – А.А.), можно предвидеть, что Россия будет подвергнута большим волнениям. Страшнее всего, что здоровье Царя шатко и что наследник престола Царевич Пётр весьма слабого сложения, и нельзя рассчитывать на продолжительность его жизни. Ему теперь 1½ года, но он ещё не говорит и не ходит и постоянно болен...”

(Окончательный приговор по делу Царевича Алексея произнесён был в Петербурге 24 июня 1718 года. Первая подпись на нём: “Александр Меншиков”).

Когда все члены суда заняли свои места и все двери и окна были отворены, дабы все могли приблизиться, видеть и слышать, Царевич был введён в сопровождении четырёх унтер-офицеров и поставлен насупротив Царя, который, несмотря на душевное волнение, резко упрекал его в преступных замыслах. Тогда Царевич с твёрдостью, которой в нём не предполагали, сознался, что не только хотел возбудить восстание во всей России, но что если Царь захотел бы уничтожить соучастников его, то ему пришлось бы истребить всё население страны. Он объявил себя поборником старинных нравов и обычаев, так же как и веры, и этим самым привлёк к себе сочувствие и любовь народа.

В эту минуту Царь, обратясь к духовенству, сказал: “Смотрите, как зачерствело его сердце, и обратите внимание на то, что он говорит. Соберитесь после моего ухода, спросите свою совесть!”

Царевич, оставшийся во всё это время спокойным и являвший вид большой решимости, был после всего отвезён обратно в крепость...

В донесении де Лави французскому министерству говорится: “Царевич Алексей, сын Петра, о котором много говорили, заключён два дня тому назад в крепость; уверяют, что со времени его возвращения между бумагами государственных преступников нашлись письма, из которых оказалось, что он замышлял против жизни своего отца; мне передали, что в прошлую субботу Царь позвал его в Сенат и там, обнимая его, сказал: “Я тебе отец, а ты мне сын: как же ты, несчастный, хотел меня убить? Вот, – прибавлял он, – доказательства”, – и показал ему бумаги. Царь не мог удержаться от слёз и, после того как сын просил у него прощения, предал его епископам и прочим духовным лицам, чтобы судить его преступления как можно умереннее”».

Первая речь Петра II в Верховном совете

Да, тяжёлая наследственность досталась Петру II. Судьбы матери он не помнил, об отце знал мало. Но всё вместе должно было наложить на него печать.

Детство, лишённое радостей, рождает робкий или угрюмый нрав, к тому же самодержавная вседозволенность (даже при властном Меншикове). Плюс капризы переходного возраста! Всё это – не лучший подарок для юного императора, – такое трудно вообразить!

Пётр строен, высок, здоровый румянец на щеках, лицо продолговатое, напоминает несчастного царевича Алексея, а голубыми глазами – мать, принцессу Шарлотту. Его можно назвать и красивым, кабы не хмурое, насупленное выражение.

Всё в его жизни определялось тяжким крестом рождения. Постоянно слышал он назойливые голоса – высокие и низкие, хриплые и певучие, требовательные и укоризненные, голос мачехи Екатерины, опекуна Меншикова, воспитателя Остермана и Ягужинского, Черкасского и Голицына... Но откуда знать, кто из них истинно думает о его благе? И ещё: постоянно слыша похвалы деду – великому Петру, император-мальчик казался себе рядом с ним ничтожным... Тем не менее царевичу читали умные книги из греческой и римской истории, и они питали его мечтаниями о том, что может сделать император для своих подданных, и нередко предавался благим порывам. По ночам любил смотреть на небо, и звёзды представлялись ему подданными его, которых он мог осчастливить.

Этими порывами была наполнена первая речь юного царя в Верховном совете. Её можно назвать образцом доброжелательства и готовности сделать страну процветающей. Вот эта речь:

«Богу угодно было призвать меня на престол в юных летах. Моею первою заботою будет приобрести славу доброго государя. Хочу управлять богобоязненно и справедливо. Желаю оказывать покровительство бедным, облегчить всех страждущих, выслушивать невинно преследуемых, когда сии станут прибегать ко мне, и, по примеру римского императора Веспасиана, никого не отпускать от себя с печальным лицом».

Речь свою Пётр II произнёс 21 июня 1727 года на заседании Верховного тайного совета.

Что случилось с царём-отроком после смерти Екатерины? Он вырос, раздался в плечах, несколько огрубел лицом, а ещё изменился его характер: стал раздражителен, порывист, настроение его менялось необъяснимо...

Он был окружён умелыми, переменчивыми, не согласными друг с другом сановниками, но ещё не знал, что высшая ступень государственной лестницы – это место интриг и боевых поединков. Все делали вид, что покорствуют юному императору, но что скрывалось под маской ласкателей и царедворцев?..

Заправляет всем пока ещё Меншиков, но уже выступают вперёд Долгорукие, и на всех смотрит умными глазами Остерман. (Стоит взглянуть на его портрет, написанный Таннауэром, который писал Петра I на смертном одре. Как лукаво, чуть прищурившись, обводит он всех глазами – и ничто не ускользнёт от его глаз!)

В июне двадцать седьмого года в Петергофе был устроен бал. Солдаты, гвардейцы маршировали под музыку, стреляли из пушек, пускали фейерверки, а вечером – ассамблея по петровским заветам: бал и танцы...

Красочное, необычайное зрелище представляла зала с танцующими парами! Длинные и пышные наряды делали дам высокими, крупными, мужчины же в коротких камзолах казались мелковаты, но зато столь ярки их одежды! Не было и не будет, должно, столетия, в которое бы мужчины ходили в костюмах, столь щедро расшитых диковинными узорами, цветами, колосьями, в белых и розовых чулках, в туфлях, украшенных драгоценными пряж-

ками, в завитых, надушенных париках. Ещё не вышли из употребления чёрные голландские парики, но многие красовались с белыми локонами.

Дамские юбки были подобны великолепным распутившимся цветам, а талии, затянутые в корсеты, – стеблям. Тонкие кружева обрамляли шею и руки; платья натянуты на каркас, или корзину из китового уса, носившую название «панье». А какие затейливые сооружения на головах! Этакie архитектурные сооружения из кружев, лент, стрекоз и бабочек, и носили они французское название – фонтанж.

Как ценили люди удовольствия! Они словно вырвались из узких теснин Петра I. Одевались со смыслом, ладно двигались, на особый манер снимали шляпу, доставали табакерку.

«Танцует Катерина Долгорукая, ласкаясь к иностранному посланнику Миллюзимо, капризная девица», – думает Остерман. А глядя на Елизавету, дочь почившей императрицы, размышлял: «Славная наследница трону! Соединить бы их с Петром...»

Пётр тоже смотрит на неё, явно любит, кажется, она – единственная, кто вызывает на лице его улыбку. Впрочем, нет, есть ещё одна фигура, способная заразить юнца веселостью, – это Иван Долгорукий.

Один из сыновей князя Алексея Григорьевича Долгорукого, брат Катерины, член, можно сказать, самого сильного клана, князь Иван сблизился с царевичем, ещё при жизни Екатерины I бросился к нему в ноги и поклялся служить верой и правдой. Они не раз бывали вместе на охотах, и князь даже нёс царевича на руках, когда тот упал с коня и повредил ногу.

...В тот июньский день Пётр II, прихрамывая, подошёл к окну, глянул на дорогу, и нетерпение отразилось на его лице: где он, отчего нейдёт Иван?

С той поры, как появился Иван, от него исходили истинная верность, жизнелюбие, в его присутствии наследник делался улыбчивым и мягким. С ним можно беспричинно веселиться, играть, спорить о том, что надобно России. Была у Ивана ещё удивительная способность появляться в тот именно момент, когда очень нужен.

Отчего, однако, нейдёт он теперь? Есть нужда, поговорить надобно про Меншикова, а его всё нет и нет. Пётр снова подошёл к окну и увидел подъехавшую к крыльцу знакомую карету. Ваня!

И вот они уже сидят обнявшись, и Пётр говорит о самом сокровенном:

– Ваня, как бы желал я сделать нашу страну богатой, а народ – послушным и небедным... Когда меня коронуют, – мне же всё доступно, правда? – я всё для того сделаю. Ты что так долго не был?

– Я? – рассеянно, весь в своих мыслях, отвечал князь. – Я был у Шереметевых!

– А-а... Мне понравилось в их Фонтанном доме, славная графинюшка.

Для Ивана тоже теперь дорогим домом стал Фонтанный дворец – счастливый случай помог тому. Отправилась раз Наташа Шереметева одна, не спросясь у брата, на Невскую перспективу, в аптеку, а выходя из аптеки, поскользнулась, упала – тут её подхватил бравый молодец, брови широкими чёрными дугами, глаза с огнём, – князь Иван. Спросил, где её дом, – и повёз на Фонтанку.

В доме уже поднялась хлопотня – слуги высыпали на крыльцо, бабушка замерла у окна. Спаситель взял её на руки, и, пока нёс ко крыльцу, видела она перед собой его весёлые чёрные глаза, а о боли в ноге позабыла. И была как замороженная. Он не отводил взора от её серьёзных серых глаз, ласково улыбался, а потом слегка прижал к себе и коснулся губами пальцев. Она смутилась, заалела, смущённая его смелостью, и вспыхнула.

– Куда нести прикажете сей драгоценный груз? – спросил князь у бабушки.

– На второй этаж, в мою комнату, – велела она.

Как пушинку, взметнул он её в угловую комнату – и, раскланявшись, представившись князем Иваном Долгоруким, удалился.

У бабушки было уютно, всё дышало стариной – сундучки, рундуки боярские, шка- тулки, пяльцы, вышиванье на резном столике, парчовые нити... Руки её всегда чем-нибудь заняты. Вынула она тонкий шёлк, пяльцы, иглу и принялась вышивать «воздух» – пелену, вклад свой в Богородицкий монастырь (монастырь этот с давних пор опекали Шереметевы). Внучка лежала на диване кожаного покрытия, а бабушка восседала в кресле с львиными головами. Прежде чем взяться за иголку, достала табакерку, взяла щепоть табаку, нюхнула, с чувством чихнула и, высоко откинув голову, произнесла:

– Отменный молодой князь Иван Долгорукий... Глаза крупные, огненные, только рот мал – как у девицы... А всё ж таки есть в нём что-то от старого знакомого моего Якова Долгорукого.

Наталя ждала, что бабушка скажет что-нибудь о молодом Долгоруком, но у той были свои резоны обращаться к сей фамилии, и резоны тайные.

– Знатный был человек дядя его!.. – говорила она. – Ходил статно, как истинный боярин, но бороду сбрил рано, ещё до повеления царя Петра. Держал себя как гость ино- земный, а сколь подвержен придворному этикету! Ручку поцеловать али цветок поднести – это пожалте!.. Ежели кто говорит, никогда не перебьёт... Истинный галант!.. – Лицо Марьи Ивановны посветлело. – А красоту как любил! Помню, приехал к нам в Фили, к зятю моему Льву Кирилловичу Нарышкину, – в аккурат кончили тогда храм строить. Уж как любовался той церковью, как хвалил, даже на колени пред нею опустился и землю поцеловал...

Наталя слушала бабушку, а виднелись ей чёрные ласковые глаза, сухие и горячие руки, и словно чувствовала жар, исходивший от них.

Марья Ивановна перекрестилась:

– Прости меня, Господи!

– Простит, простит тебя Господь! – воскликнула Наталя и понизила голос: – А Иван Алексеевич не похож на дядю своего?

За окном опустились ранние петербургские сумерки, прокрались в комнату.

– Иван-то Алексеевич? – вздохнула бабушка. – Ох, далеко, должно, ему до Якова Фёдо- ровича. Одно слово – фаворит. Всё ему дозволено, а сам ещё молод, без понятия... Феофан Прокопович его ругая ругает. Шалун, охальник! По ночам на коне скачет, людей будит... Впрочем, языки людские злы, откуда сведать правду? Одно говорят, а иное – в деле... От нынешних-то, молодых, я отстала, все они мне хуже наших кажутся... Про Якова-то Фёдо- ровича, смотри, никому не рассказывай, я только тебе, а ты помалкивай... – Марья Ивановна прикрыла глаза: то ли погрузилась в воспоминания, то ли уснула.

Грезила в тот вечер и Наталя – зелёный мундир, горящие на морозе щёки, брови-полу- месяцы, губы на её руке... И, как бы сбрасывая наваждение, встрепенулась, рассердившись на себя. Что она, ума лишилась? Как могла глаз не отвести, руки не отнять? Матушкины заветы позабыла. Обещала фамилию свою высоко держать, а доверилась первому встреч- ному оттого лишь, что он галант... А ну как слух пойдёт, что Шереметева графиня, дочь высокородного господина, честь свою позабыла? Князь на руках её таскал, балясы с ним раз- водила, а коли до брата сие дойдёт? Ведь Петруша – всему дому господин, дома хозяин...

Не знала она, что происходило в те дни с князем Иваном. Не знала, как сдружился с ним юный император, и как зол за то на него Меншиков, и что началась между ними чуть ли не война.

Давид и Голиаф

Ночи стояли белые, а у Дарьи Михайловны Меншиковой на душе была чернота – её одолевали дурные предчувствия. Две дочери сидели за пяльцами и шили-вышивали, а молодой княжич, сын, подыгрывал им на скрипке. Голоса были полны печали, песня протяжная:

На той да на долине
Вырастала калина.
На той ли на калине
Кукушка вскуковала.
Ты о чём, моя кукушечка, кукуешь?
Ты о чём, моя горемычная, горюешь?

Пение смолкло, и Дарья Михайловна завела разговор о Петре Великом, как умел он наставить на ум своего фаворита, указать на его излишества-перелишества. А про себя думала: не знает её Алексаша ни в чём меры, вообразил себя королём-императором, принимает посланников, целый рой их по утрам жужжит, словно пчёлы, возле дома, и всех готов скрутить в бараний рог; между тем недруги, небось, расходы его изрядные подсчитывают, сколь домов в Москве, в Петербурге... Помолвка Марьи расстроена, государыня Екатерина скончалась – что станет с ними со всеми? А ну как юный Пётр станет подобен Давиду?

Дарья Михайловна пыталась урезонить мужа:

– Остановись, Данилыч! Постой! Зачем тебе власть безмерная, к чему стремиться наверх? Ближе к трону – ближе к смерти, Алексаша, миленький мой!

Но светлейший и впрямь возмнил о себе: грубил и тем ещё более злил своих недругов.

Кто-то (уж не Остерман ли, учитель?) сказывал, что Меншиков отказал царскому камердинеру. Какое право имел Данилыч отменить указание царя, зачем наказал его камердинера?

Дарья Михайловна непрестанно уговаривала любимого мужа:

– Что нас ждёт всех, а ну как молодой император рассердится...

Только не слушал её дорогой муженёк. Она плачет и рыдает, а он знай своё:

– Не боюсь богатых гроз, а боюсь убогих слёз! – и вон из комнаты.

...Пётр I прорубил окно в Европу, можно сказать, даже двери. Но при открытых дверях возникают сквозняки не только в европейской части России, но и по ту сторону Урала. Демидовы, Строгановы, уральские заводчики, поучившись в Европе, понесли учёные новшества в Сибирь.

При открытых окнах иностранцы тоже валом повалили в загадочную Россию. Кто из любопытства, кто в погоне за длинным рублём. Одни – на время, другие – навсегда. Брали себе русскую фамилию, имя, женились на русских и... оставляли подробные эпистолярии об увиденном. К примеру, француз Вильбоа Франсуа де Гильмот в России стал Никитой Петровичем Вильбовым. Он, видимо, имел склонность к писательству, обожал вести записки по следам разных событий, коим был свидетелем или слышал рассказы очевидцев. Вот что он писал, в частности, о Меншикове:

«Первое, что сделал Меншиков как искусный политик, было уверение юного царя в важности услуги, ему оказанной, и внушение недоверчивости ко всем; так что царь не мог уже считать себя безопасным, не передавши Меншикову звания правителя государства и генералиссимуса армии... Другое дело Меншикова состояло в немедленном обручении царя со своей дочерью. Церемония совершилась без всякого явного спора со стороны сенато-

ров и других знатных людей, к ней приглашённых. Они присутствовали, не смея дать ни малейшего внешнего скрываемого ими неудовольствия. Для достижения сего успеха Меншиков удалил от дел и двора многих, не скрывавших отвращения своего от предложенной женитьбы и могших тому воспротивиться, иные были даже сосланы в Сибирь за выдуманные преступления. Или не знал Меншиков нерасположение к нему князей Долгоруких и графа Остермана, или не считал их опасными, но только он не предпринял ничего против них, повелевая ими как властитель, не знавший других законов, кроме своей воли. Неприлично обращался он и с самим царём, который был ещё весьма юн. Меншиков стеснял его в самых невинных удовольствиях... Словом, Меншиков правил вполне Россиею... Он занимался только приготовлениями к свадьбе своей дочери».

Мелкие обиды, недоразумения между Петром II и Меншиковым копились, копились – и разразилась гроза! О последних спорах написал генерал Манштейн:

«Не помню, по какому случаю, цех петербургских каменщиков поднёс императору в подарок девять тысяч червонцев. Государю вздумалось порадовать ими сестру, и он отправил к ней деньги с одним из придворных лиц. Случилось последнему повстречаться с Меншиковым, который спросил его, куда он несёт деньги. На ответ придворного Меншиков возразил: “Государь, по молодости лет, не знает, на что следует употреблять деньги, отнесите их ко мне, я увижусь с государем и поговорю с ним”. Хорошо зная, как опасно противиться воле князя, придворный исполнил это приказание. На другое утро царица Наталья, по обыкновению, пришла навестить брата. Только что она вошла к нему, как государь спросил её, разве не стоит благодарности его вчерашний подарок? Царица отвечала, что не получала ничего. Это рассердило императора. Приказав призвать придворного, он спросил его, куда девались деньги? Придворный извинялся тем, что деньги отнял у него Меншиков. Это тем более раздражило государя. Он велел позвать князя и с гневом закричал на него, как смел он помешать придворному в исполнении его приказа? Не привыкший к такого рода обращению, князь был поражён как громом. Однако он отвечал, что, по известному недостатку в деньгах в государстве и истощению казны, он, князь, намеревался сегодня же представить проект более полезного употребления этих денег, и прибавил: “А если вашему величеству угодно, то не только прикажу возратить эти девять тысяч червонцев, но даже дам из собственной своей казны миллион рублей”. Государь не удовольствовался этим ответом. Топнув ногою, он сказал: “Я покажу тебе, что я император и что я требую повиновения”. Затем, отвернувшись, ушёл, Меншиков пошёл за ним и так упрашивал его, что он на этот раз смягчился, но мир продолжался недолго».

...Сентябрьским днём (в самом начале месяца) 1727 года «полудержавный властелин» почувствовал неладное. Он вошёл в свой богато обставленный кабинет, плотно прикрыл дверь, задвинул тяжёлую гардину и зажёл свечи в шандале – теперь он был прочно отгорожен от внешнего мира, так ему лучше думалось.

В длинном бархатном кафтане, в мягких сапогах скорым шагом пересёк кабинет, резко повернулся и – назад. Заложив руки за спину, хмуро глядя на роскошный восточный ковёр, прохаживался по кабинету.

Остановился перед зеркалом: лицо его ожесточилось, появились язвительная ухмылка и две глубокие морщины возле рта – не осталось и следа от весельчака, который покорила когда-то Петра Великого. Ямка на подбородке длинного лица углубилась, волосы топорщились, и всем своим обликом напоминал он старого льва.

Было о чём подумать всемогущему властелину! То возвращался мыслью он к Петру Великому – как тяжело тот умирал, как мучила его мысль о том, что все начинания его придут в забвение...

И, конечно, терзался собственной судьбой. Зашаталась под ногами у светлейшего земля... Он ли не воспитывал Петрова внука, он ли не держал его в строгости, как прика-

зывал Пётр? Денег лишних – ни-ни, играми тешиться много не давал, об здоровье его заботился более, чем об собственном сыне, в ненастье на прогулку не выпускал.

Помня заветы Петра, хотел вести Россию по европейскому пути – наши-то ещё и без ножей-вилкок за столом обходятся, а как упрямятствуют!

Меншиков шагал по кабинету, заложив за спину сильные, цепкие руки. Хмурил брови, мягко вышагивая в татарских сапогах. Не было слышно шагов его за закрытой дверью, а походка напоминала поступь зверя, почуявшего опасность...

Вот он остановился возле шандала, загадал: ежели одним дыхом погасит все свечи – быть добру, выдаст дочь за императора, станет властелином ежели нет, то... Остановился поодаль, набрал воздуха, дунул, но... то ли слишком велико расстояние, то ли волнение овладело – погасли только две свечи.

Меншиков обернулся вокруг себя, словно ища виновника этакого казуса и стыдась за себя. Затем рванул колокольчик, дёрнул штору, она неожиданно оборвалась, обрушилась – и вельможный князь выругался...

Пётр II и в самом деле становился нетерпимым – то горяч и вспыльчив, то ревнив и мрачен. Он понимал, что большинство знатных невзлюбили Меншикова, называют его выскочкой, что это злобит Долгоруких.

А тут случилось ещё одно непредвиденное событие, но весьма значительное... Как пишет генерал Манштейн, Меншиков допустил большую ошибку. Двор уже переехал в Петергоф, а он, воспользовавшись небольшой болезнью, остался в своём имении:

«...Он поехал в Ораниенбаум, загородный дворец свой, в восьми верстах от Петергофа. У него тут строилась церковь, которую он хотел освятить. На эту церемонию приглашены были император и весь двор. Но как врагам Меншикова недаром грозила месть его в случае примирения его с государем, то они научили последнего отказаться от приглашения под предлогом нездоровья, что он и сделал».

Как унижался светлейший, встретив царя! Как умолял его забыть про худое, вспомнить про великого деда, у которого Александр Данилович был фаворитом!

Но у Петра II ещё не остыла обида за те червонцы для сестры. Тут оказалось, что портреты своих родственников Меншиков велел занести в царский альбом. Когда же император, полный добрых порывов, заговорил о бабушке своей Лопухиной, что он желал бы пригласить её в Петербург, Меншиков возразил. Возможно, светлейший думал о заветах своего минхерца, об опасности возвращения к прежним российским порядкам... Тут Пётр II потребовал, чтобы обсудили сие на Верховном совете. Совет поддержал императора, и Меншиков принуждён был согласиться, но – было уже поздно!.. Карта князя была бита, крах, который предчувствовала Дарья, случился!

Наконец юный царь показал характер: он просто бежал из дворца светлейшего, а в Верховном совете сказал такую речь, которая разрывала все отношения с Меншиковым:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.